

Т.Ю. Сем, Е.А. Окладникова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.34.1.001

УДК 398(4/5)

Миф о «трёх солнцах»: семантика и визуальная репрезентация в монументальном искусстве Древней Евразии

Статья посвящена изучению мифа как вербальной версии (нарратива) интерпретации памятников древнего наскального и монументального искусства народов Евразии.

Цель работы – сравнительный анализ мифов о «трёх солнцах» и связанных с ними петроглифов.

Авторы полагают, что этот миф служил одним из интеллектуальных инструментов для описания и истолкования картины мира древними народами Евразии. Используя методику семантического и иконографического анализа, авторы выявили смысловые доминанты, сравнив тексты мифа о «трёх солнцах» народов Северной Азии, Дальнего Востока, Южной Сибири и Средней Азии.

В результате открылась возможность рассмотреть этот миф как антологию знаний его создателей об окружающей их природной и социальной реальностях. Миф о «трёх солнцах» – это одна из архаических форм натурфилософских знаний о физической (материальной) и метафизической (вымышленной) реальностях, как земной, так и космической, этот миф содержит в себе представления о структуре и системе модели мира. В мифе о «трёх солнцах» повествуется о цикличности времени, а также о связанной с нею смене времён года. Более того, именно этот миф сохранил память не только о космических и природных катастрофах, но и об ответах Человечества на «вызовы Космоса», о способах противостояния древнего человека катастрофам вселенского масштаба. В этом противостоянии вызовам природы и Космоса, согласно мифу о «трёх солнцах», победил Человек, он в этом противостоянии руководствовался нравственными началами, возникшими в результате социального развития и становления нравственного Закона. Это был Закон, который возвеличивал человека-созидателя и порицал человека-разрушителя. Миф о «трёх солнцах» как модель мира и антологии жизни народов древней Евразии включает историческую информацию о переходе от одной исторической формации к другой (от присваивающего хозяйства и производящему), а также об установлении патриархальной системы родства.

Ключевые слова: миф как нарратив, петроглифы, семантический инструментарий, картина мира, древние народы Евразии

Введение. Образный ряд памятников (петроглифы, стелы), иллюстрирующих содержание мифа о «трёх солнцах», и сегодня остается таинственным, глубоким, но пока еще недоста-

точно изученным. Миф о «трёх солнцах» привлекал внимание многих этнографов и археологов. Учёные использовали его в качестве исходного архаического текста-«ключа» для интер-

© Сем Т.Ю., Окладникова Е.А., 2021

претации (декодирования смысла) наскальных рисунков и произведений монументальной пластики (стелы) [Окладников, 1968: 163–169; Хлобыстина, 1971: 165–180; Сем, 1996: 111–142; Фролов, 2000: 278–291; Шаньшина, 2000; Симонова, 2010: 102–110]. Современные методы анализа мифологии основываются на работах структурно-семиотической школы К. Леви-Строса, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, которые рассматривают структуру мифа, бинарные оппозиции и медиаторов, метод брилокажа, использование разных кодов культуры.

Считается, что наиболее полная и древняя версия этого мифа была записана в конце XIX в. у верховских нанайцев (Нижний Амур) американским этнографом Бертольдом Лауфером. Варианты версий этого мифа позднее стали основой систем космологических и космогонических сказаний многих народов Евразии. Основными характеристиками текста мифа о «трёх солнцах», записанного Б. Лауфером, являются следующие: 1) сложносоставная структура; 2) широкое распространение по территории Древней Евразии; 3) архетипичность персонажей. [Laufer, 1899: 749–750].

В записанной Б. Лауфером версии мифа о «трёх солнцах»: 1) уникальное астрономическое явление: присутствие на небе в давние времена трёх солнц; 2) управление жизнью людей на Земле девой (богиней) Мамилджи; 3) убийство (расстрел из лука) героем-воином Кадо двух солнц и тем самым спасение жизни на Земле; 4) восстановление климатического оптимума; 5) восстановление демографического баланса жизни на Земле.

В литературе существует мнение о китайском влиянии на тему стрелка во множественность солнц на Амуре [Шаньшина, 2000: 44–46; Яншина, 1984: 106–121]. Имеются и альтернативные мнения о ее автохтонности [Смоляк, 1991: 260]. Данная тема в свете изысканий авторов представляется не такой однозначной ввиду широкого распространения в Евразии сюжетов с образами мифа о трех солнцах.

Визуальный ряд изображений мифа о «трёх солнцах» различными изобразительными сюжетами (геометрическими, зооморфными, антропоморфными) представлен в наскальном искусстве Северной Азии (Чукотка), Дальнего Востока (Нижний Амур), Центральной Азии,

Горного Алтая, а также в монументальном искусстве Южной Сибири (Хакассия). Археологи датируют эти изображения периодом дописьменной эпохи во временном диапазоне конец III – начало II тыс. до н. э. (Нижний Амур, Хакассия) и началом железного века I тыс. до н. э. (Северо-Восток Азии, Горный Алтай).

Целью настоящего исследования является сравнительное изучение мифов о «трёх солнцах» в интерпретации памятников древнего искусства археологических культур Евразии.

Материалы и методы: визуализация мифа «о трех солнцах» в памятниках наскального искусства. Исследование осуществлено при помощи комплекса методов типологического, семантического и иконографического анализа. Основными источниками для данной работы послужили материалы наскальных рисунков и других археологических артефактов (стелы, погребальные памятники).

В наскальном искусстве (Нижний, Верхний Амур, Чукотка) и монументальной пластике (стелы) (Хакассия, Горный Алтай) Древней Евразии мифологический сюжет о «трёх солнцах» представлен не только разными типами образов (геометрическими, зооморфными и антропоморфными), но и сочетаниями этих образов в одной композиции.

Геометрические репрезентации мифа «о трёх солнцах». На Нижнем Амуре в с. Сакачи-Алян представлены три круга с точками в центре – символы солнца [Окладников, 1971: 183, 202], на Чукотке – три «солярных диска» в виде кругов с отростками-лучами на костяной колодушке с изображениями животных и людей (Берингоморская культура, Эквенский могильник, I тыс. до н. э.) [Арутюнов, Сергеев, 1975: 140, рис. 65], в Хакассии – стела с изображением трех солнц в виде концентрических кругов со знаком 4-х сторон света и изображением морды быка с рогами (р. Туба) [Вадецкая, 1967: 29, рис. 20, табл. 12], три большие знака солнца и одно малое рядом с изображением дракона (р. Белый Июс) [Вадецкая, 1967: 28, рис. 19].

Зооморфные репрезентации мифа о «трёх солнцах». На р. Нижний Амур – это три либо две водоплавающие птицы (лебедь и гагара, а также утка) (р. Уссури, Шереметьево) [Окладников, 1971: 254, 265–266]; изображение лося с тремя кругами на крупе (Сакачи-Алян) [Оклад-

ников, 1971: 37]. В Хакасии – фантастический хищник с телом волка, головой медведя и птичьими лапами, преследующий идущего на запад быка-солнца (Минусинская котловина) [Хлобыстина, 1971: 172–173]; 2) изображение хищника с тремя солнцами под ним с головами оленей (Минусинская котловина, р. Черновая) [Вадецкая, 1967: табл. 18]; голова хищника с разинутой пастью и распростертыми лапами, обращенными к знаку солнца (Ширинская стела) [Вадецкая, 1967: табл. 21]; змея с головой быка с тремя глазами-солнцами (Белый Июс) [Вадецкая, 1967: 29, рис. 20]. В Горном Алтае имеются рисунки быков со знаками календарной и лунарно-солярной символики в виде концентрических кругов на туловищах (Калбак-Таш) [Okladnikova, 2014: 134–141]; изображение фантастического хищника с чертами снежного барса, медведя и хищной птицы, нападающего на ритуальную процессию (Калбак-Таш) [Okladnikova, 2014: 134–141].

Антропоморфные репрезентации мифа о «трёх солнцах». На Нижнем Амуре изображена на скалах Шереметьево р. Уссури антропоморфная трёхглазая маска-личина, окруженная зверями – кабаном и змеей (вверху) и двумя птицами (внизу) [Окладников, 1971: 266]; на камне № 63 Сакачи-Аляна имеется антропоморфная маска-личина с глазами и ртом, намеченными тремя точками [Окладников, 1971: 207–208]; на другом – изображение кабана с антропоморфной маской-личиной [Окладников, 1971: 191]. На Верхнем Амуре изображен шаман с бубном в руке и рядом солярный знак с косым крестом в центре и под ним три антропоморфные фигуры (р. Нюкжа) [Окладников, Мазин, 1976: 132, табл. 40]. В Хакасии на Ширинской стеле изображена композиция: голова человека с рогами быка и ушами зайца, телом змеи с навершием в виде головы младенца-мальчика [Вадецкая, 1967: табл. 21]; антропоморфные фигуры на стелах с тремя глазами точками (р. Уйбат, станция Фарпус, Черновой) [Вадецкая, 1967: 16, 17, 22]. В Киргизии на камне в Саймолы-Таш имеются три антропоморфные фигуры с головами в виде 12-лучевых дисков, идущие в ряд [Голендухин, 1971: 181–202].

Результаты. Возможные интерпретации семантики всех трёх типов визуальных репрезентаций мифа о «трёх солнцах» (геометрического,

зооморфного, антропоморфного) в произведениях древнего монументального искусства Евразии (петроглифы, стелы), предложенные учеными, открывают интересную исследовательскую перспективу. Эта перспектива разворачивается по следующим направлениям семантического анализа:

– геометрическая репрезентация: большинство исследователей петроглифов и памятников наскального искусства народов Сибири, в частности, наиболее распространенный на Северо-Востоке Азии у эскимосов и алеутов круг с точкой внутри интерпретируют как солярный знак [Иванов, 1963: 217–218].

– антропоморфная репрезентация: 1) женское божество плодородия, мать-природа, мать всего живого [Окладников, 1971: 207–208; Сем, 2015: 320–324]; 2) мужское божество-первородок или первородки [Окладников, 1971: 37], космический спаситель/разрушитель, сначала спасавший Землю от палящих лучей трёх солнц, а затем расстреливавший всё живое на земле [Потанин, 1916; Окладникова, 1990: 98; Вадецкая, 1967: 64–65; Окладников, 1975: 58–63].

– зооморфная интерпретация: 1) птицы-ныряльщики, небо и вода (лебедь, ворон и гагара) [Окладников, 1970: 254]; 2) солярные образы лося, оленя, небесных маралух (сюжет оленя Золотые рога); 3) фантастический хищник и три окружности с точками в центре – три солнца [Вадецкая, 1967: табл. 18]; 4) фантастический хищник и изображения быков с лунарно-солярной символикой на теле на г. Калбак-Таш [Okladnikova, 2014, с. 134–141]; 5) солярный змей [Фролов, 2000; 1974: 48, 126–127, 174–175; Вадецкая, 1967: табл. 17].

Анализ семантики. Описание картины мира – это метод познания окружающей реальности и формирования модели Вселенной, проявляющихся через мировоззрение, способы мировосприятия и особенности мироощущения в разные эпохи по-разному. Для описания дописьменных культур мира использовался мифологический инструментарий. Как интеллектуальный инструмент миф, включая и мифологический сюжет о «трёх солнцах», был универсальным языком описания такого сложного феномена, как окружающая реальность. В силу своей исконной символичности, миф оказался

удобным для конструирования моделей бытия всех уровней мироздания: космического, природного, социального, личностного. Миф – это своеобразный сценарий развертывания картины мира. «Под моделью Вселенной мы понимаем ментальную схему, включающую систему структуро- и системообразующих идей об окружающем мире жителей горно-таежной [и степной] полосы Евразии в ее природной и социальной формах» [Окладникова, 2009: 154].

В процессе реситации (чтения/рассказывания) этого мифа о трех солнцах люди дописменной культуры Древней Евразии решали серию практических задач:

1. Одной из задач была необходимость фиксации, изображения (петроглифы) и истолкования реальных физических атмосферных явлений. По мнению ученых, представление о трех, четырех и более солнцах имеют под собой реальные основания. Эти основания кроются в необходимости объяснения особенностей состояния атмосферы, их изменений во время потепления, похолодания, землетрясений, вулканических извержений. В периоды таких глобальных климатических изменений на небе можно наблюдать аномальные астрономические явления: появление двух ложных солнц или двух ложных лун, появление креста вокруг солнца. Эти явления в науке называются эффектом гало или паргелиями [Шаньшина, 2000: 278–291; Симонова, 2010: 107–108].

2. Необходимость создания исходной модели Вселенной с помощью мифа о творении мироздания после очередной космической катастрофы. Удовлетворяя интеллектуальный вызов тех времен, миф о «трех солнцах» использовался как инструмент объяснения, который давал ключи к пониманию процессов космической эволюции.

3. Необходимость толкования цикличности природных явлений и хода времени. У эвенков сохранился древний миф о Великом стрелке в лосиху, укравшую солнце на небосводе [Анисимов, 1958: 68–69; Мазин, 1984: 9]. Согласно этому мифу, Великий стрелок-первопредок Мани гонится за лосихой и убивает ее стрелой, выпущенной из лука. Он освобождает солнце, завершается темный период суток, наступает утро. Но на следующую ночь похищение и погоня повторяются. Так объяснялась эвенками смена дня

и ночи. Этот миф разыгрывался в процессе мистерии на Новогоднем празднике эвенков Икэ-нипкэ [Василевич, 1957, с. 151–185]. В мифе, так же как и на празднике, первопредок играл роль спасителя Человечества от катастрофы – потери солнечного света, а вместе с ним и утраты Порядка в мире и социуме [Анисимов, 1958: 69–71; Василевич, 1957: 151–185]. Образ Великого стрелка, убивающего три солнца, в амурской мифологии ассоциировался с первым шаманом и творцом мира Гуранта или Хадау [Шаньшина, 2000: 48–49; Старцев, 2017: 16–25]. Он исполнял спасительную функцию всего живого на земле от губительного воздействия трех солнц.

На р. Белый Июс в Хакасии была обнаружена каменная стела с изображением трех солнц в виде концентрических кругов со знаком 4-х сторон света и изображением маски-личины с рогами быка [Вадецкая, 1967: 28]. На другой стеле три больших знака солнца и один малый по размеру (всего четыре солярных знака). На этой стеле были выбиты змея с головой быка с тремя глазами-солнцами [Вадецкая, 1967: 29]. Зарождение представлений о связи змеи со стихиями воды и огня, как полагают археологи, уходит корнями в каменный век. Семантика изображения змей на костяной пластине из Мальты (р. Белая, Иркутская область) описана Б.А. Фроловым как репрезентация смены сезонов года в контексте космического хронотопа. При этом сам момент этой смены иллюстрировался на пластине змеем, заглатывающим солнце [Фролов, 1974: 48, 126–127, 174–175].

На костяной колотушке Берингоморской культуры из Эквенского могильника (I тыс. до н. э.) с обратной стороны были изображены три круга с лучами, которые этнограф С.В. Иванов интерпретировал как солярные знаки [Иванов, 1963: 124]. Рукоятка колотушки с одной стороны была оформлена в виде головы белого медведя, с другой – рыбы (сома). В центре колотушки изображены распластанный человек и голова старика, на лбу головы старца точка на месте третьего глаза. Вероятно, трехглазая личина старца олицетворяла хозяина Вселенной и моря Кэрэткуна, культ которого был распространен в этом регионе и в честь которого ежегодно проводили праздник. Трехглазость личины старца может рассматриваться как указание на связь

этого изображения головы старца с мифом о трёх солнцах. На эту связь указывает и то, что шаманский обряд, в котором использовалась колотушка, проводился в дни солнцестояния.

4. Необходимость описания и толкования значения для социума природных (вселенских) катастрофических явлений.

Горный Алтай. Алтайский миф о Когульдэ Мергене, записанный этнографом XIX века Г.Н. Потаниным [Потанин, 1916], может являться продуктом как минимум двух параллельно развивающихся мифологем: 1) архаическим шаманским комплексом о трансцендентном путешествии шамана в верхний мир и его мистическом браке с тремя женами-оленихами. Эти три оленихи были зооморфными аллоформами трёх солнц нанайской мифологии; 2) поэтическое описание некогда произошедшей (или происходящих неоднократно) катастрофах, что сопряжено со сказанием об обретении шаманом дара вместе с получением золотого ящика, скрытого в телах трёх небесных маралух [Симонова, 2010: 109].

В сюжете о космическом охотнике Алтая Эрке-Когульдэе реализуется архаичная версия описания климатических катастроф, связанная с глобальными кризисами потепления после ледникового периода [Окладникова, 1990: 11–12]. Согласно алтайской версии мифа о Великом стрелке, Эрке-Когульдей был слишком агрессивным охотником, истребляющим все живое на Земле стрелами, выпущенными из лука. Тогда хозяин неба Тэнгри Ульгень послал своих дочерей – трех золотых небесных маралух – навстречу охотнику. Стрелы Когульдэ не достигали волшебных дочерей Ульгения. Трижды маралухи обогнули землю, и все участники охоты, поднявшись на небо, по велению бога превратились в звезды Ориона [Потанин, 1916: 1–3, 67, 69].

В мифе, записанном российским участником экспедиции В. Беринга Я.И. Линденау в середине XVIII в. у урмийских тунгусов (эвенков), верховный бог посылает Громовника в погоню за кабаргой с целью наказать ее за провинность [Линденау, 1983: 81]. Очевидно, что погоня за кабаргой – это вариант сюжета о «небесной погоне» и о краже солнца. По мнению Д.В. Ерошкина, космический охотник, преследующий оленя, аналог образа Ориона в греческой мифологии. По мнению этого исследователя, миф о небесной погоне отражает космические собы-

тия катастрофического порядка, реально происходившие в XII–XIII тыс. до н. э. – сдвиг Земной Оси, в результате которого началось таяние мировых ледников. Последнее событие в мифологии многих народов мира нашло отражение в мифе о потопе [Ерошкин, 2009: 44–47].

Хакассия. На Ширинской каменной стеле, обнаруженной в Хакассии, изображена голова человека с рогами быка и ушами зайца, телом змеи и навершием в виде головы младенца-мальчика [Вадецкая, 1967: 64–65]. Ниже выбита голова хищника с разинутой пастью и простертыми лапами, обращенными к знаку солнца. Поскольку во лбу антропоморфной маски-личины с бычьими рогами, заячьими ушами и телом змеи изображен знак солнца и 4-х сторон света, можно высказать предположение, что выбитая на камне антропоморфная личина – это солнце. Возможно, что маска-личина изображает старое солнце или его заход, а младенец наверху – молодое солнце или восход. Мысль можно продолжить: соответственно перед нами сцена смены старого года новым.

На другой стеле, найденной в Хакассии, изображен хищник с чертами волкообразного существа с головой медведя и птичьими лапами. Этот хищник преследует идущего на запад быка, отождествляемого археологами с солнцем [Хлобыстина, 1971: 172–173]. На могильных плитах также было обнаружено изображение хищника с тремя солнцами под ним [Вадецкая, 1967: табл. 18].

Трёхглазостью отмечены некоторые Окуневские изображения, например, божество в трёхрогой короне с двумя копьями в руках [Вадецкая, 1967: табл. 17]. Это изображение может быть интерпретировано как верховное божество, хозяин Вселенной и грома. Божество держит в руках оружие громовержца. У тунгусо-язычных народов Сибири и Амура эвенков и удэгейцев имелись изображения громовников – шаманов подобного типа [Сем, 2015: 245–247]. По-видимому, у создателей окуневской культуры изображение этого божества также было связано с образом первого шамана-громовника.

Изображения трёх солнц сохранились в наскальном искусстве Центральной Азии. В святилище Саймалы-Таш (Киргизия) найдены камни с выбитыми изображениями трёх солярных знаков в форме 12-и лучистых дисков. Диски –

это головы фигур людей, идущих друг за другом. Рядом располагается изображение пахаря с плугом и 2-мя быками. По мнению Ю.Н. Голендухина, эти 12-тилучевые светила характеризуют период, когда дневные и ночные часы в сутках совпадали. Этот момент совпадал с весенним и осенним равноденствием. В этот период узбеки, таджики и туркмены праздновали Новый год (Науруз). Человек, изображенный на петроглифах, – жрец или маг, совершающий ритуал первой пахоты земли, связанный с культом плодородия [Голендухин, 1971: 181–202].

В мифе саамов божество грома Арома Теле в образе титана-охотника гонится за чудовищным оленем с золотыми рогами. Считалось, если Громовник убьет оленя, настанет конец света [Окладников, 1964: 60–62].

Что связывает визуальные (петроглифические) сюжеты и их мифологические интерпретации с изображениями хищников, солярных масок-личин и трёх окружностей с точками в центре (солярные знаки) Хакасии с аналогичными сюжетами Горного Алтая, Дальнего Востока и древней Скандинавии (саамы)? Первое – это то, что визуальные репрезентации и их научная интерпретация, предложенная археологами на основе данных этнографии, являются графическими записями катастроф космического масштаба. Второе – активная роль в оптимизации мирового порядка демиургов, функции которых исполняли шаманы, герои-охотники, фантастические хищники. В облике фантастических хищников совмещались как зооморфные (медведь, волк, снежный барс), так и антропоморфные черты.

5. Необходимость отразить смену исторических формаций, переход от присваивающего хозяйства к производящему. В этой связи миф о «трёх солнцах» приобретает гендерный акцент.

Хакассия. На одной стеле из Минусинской котловины изображено трёхглазое божество со змеиными отростками на голове и нагрудником на теле [Вадецкая, 1967: 64–64]. С этим образом напрашивается аналогия с нагрудником – деталью хакасского костюма свахи *ного* с вышитыми на ней бисером или перламутром тремя кругами, которые интерпретируются местной традицией как три солнца и связываются с женским божеством Умай. Аналогии женскому божеству с тремя солнцами находим в Восточной Сибири. Трёхликое женское божество было известно в эпосе

восточных эвенков как богиня плодородия, хозяйка древа жизни. Иногда богиня плодородия олицетворялась образами трёх девушек – дочерей Солнца. Именно к ним сватался Герой-богатырь, земной житель [Василевич, 1966: 266–267; Апросимов, 2000: 66–79]. Изображение трёхликих существ – хозяев Вселенной, встречающихся на петроглифах Нижнего Амура, на стелах Хакасии и артефактах Чукотки, были связаны с представлениям об обновлении сил природы, Новым годом, с обрядностью женских/мужских инициаций.

Нижний Амур. Великая Богиня-мать, Мамилджи. В мифах нанайцев и верованиях ульчей говорится о деве-первопредке Мамилджи, которая сделала рисунки на расплавленных камнях в те времена первотворения, когда на небе светили три солнца. В эти времена птицы, садясь на камни, оставляли на их мягкой поверхности следы лап [Laufer, 1899: 749–750; Окладников, 1968: 165–166; Шаньшина, 2000: 41]. На скалах на р. Уссури около деревни Шереметьево (Дальний Восток) была найдена петроглифическая композиция. В центре композиции выбита трёхглазая маска-личина. Рядом находятся изображения змеи и кабана, участников творения мира. Возможно, эта маска-личина является изображением трёхликой богини Мамельди. Согласно исследованию нанайской мифологии, этот персонаж – первопредок, ставшая первой шаманкой и спустившаяся после творения мира под землю [Сем, 2015: 320–324].

В этом образе наскального искусства р. Уссури воплощаются сразу две мифологические идеи: 1) представления о женском божестве-прародителе; 2) связь этого божества с мифом о «трёх солнцах». Дева Мамилджи в данной композиции предстает в образе той самой мифической Вселенной, в которой три солнца неимоверным жаром грозили уничтожить всё живое на земле. Согласно дальневосточному мифу о Великом стрелке, герой Кадо убивает два солнца из трёх, тем самым спасая Землю и всё живое от неминуемой смерти. Эта часть мифа о «трёх солнцах» может быть истолкована как повествование 1) о победе мужского начала над женским; 2) о связанной с переходом к счёту родства по мужской линии сменой экономической формации, а именно переходом от присваивающего хозяйства к производящему.

Обсуждение и заключение. Визуальный сюжет монументального искусства Древней Ев-

разии «три солнца» и описанные в статье его семантические интерпретации позволили сделать следующие выводы:

– миф о «трёх солнцах» как документ, который передавался изустно в системе культуры бесписьменных обществ Древней Евразии, использовался не только как интеллектуальный инструмент формирования картины мира. Этот миф, подобно эпическому сказанию народов Скандинавии «Калевала» или алтайскому эпосу «Маадай-Кара», был своеобразной антологией прото-натурфилософских знаний об окружающей космической, природной и социальной реальностях;

– эта антология включала в сжатой форме следующие системы идей: 1) идеи, фиксирующие реальные природные явления; 2) идеи о возникновении Земли и людей; 3) идеи о цикличности времени, смене времен года; 4) идеи о значении космических и природных катастроф в жизни Человечества; 5) идеи о влиянии космических изменений на социальную и экономическую жизнь людей, на смену исторических формаций (от присваивающего хозяйства к производящему);

– миф о «трёх солнцах» был тем интеллектуальным инструментом, который помогал людям дописьменной культуры Древней Евразии не только решать практические задачи: выявлять законы пространственно-временных отношений, описывать катастрофические природные явления и их влияние на изменения в хозяйственной и социальной жизни древних обществ, но и создавать объяснительную модель физической и социальной Вселенных.

Список литературы:

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.

Апросимов Д.Н. Завещание предков (Стихи, проза) / Пер. Б. Сиротин. Якутск: Кудук, 2000. 102 с.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эквенский могильник. М.: Наука, 1975. 240 с.

Вадецкая Э.Б. Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967. 79 с.

Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 18. С. 151-185.

Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966. 399 с.

Голендухин Ю.Н. Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймаш-Таша // Первобытное искусство. [Под ред. Р.С. Васильевского]. Новосибирск: Наука, 1971. С. 181-220.

Ерошкин Д.В. Небесный охотник и солнечный олень (к вопросу об астральной семантике петроглифов Горного Алтая) // Степи Евразии в древности и средних веках. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитаж, 2002, Т. 2. С. 44-46.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.) Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1963. 500 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1983. 176 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск: Западно-Сибирское изд-во, 1968. 238 с.

Окладников А.П. Миниатюрные изваяния Минусинской степи // Первобытная археология Сибири. Л.: АН, 1975. С. 58-63.

Окладников А.П. Олень Золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.; М.: Искусство, 1964. 240 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 188 с.

Окладникова Е.А. Лось и модель Вселенной неолитического населения Алтая // История и культура Востока Азии. Красноярск: Город, 2009. С. 154-159.

Окладникова Е.А. Тропой Когульдея. Л.: Лениздат, 1990. 189 с.

Потанин Г.Н. Ерке. Культ неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии. Томск, 1916. 100 с.

Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филфак СПбГУ, 2015. 640 с.

Симонова И.Л. «Когда на небе светили три солнца» (опыт реконструкции мифологического сюжета) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. [Под ред. П.К. Дашковского]. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. 4. С. 102-110.

Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 279 с.

Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе, Владивосток: Дальнаука, 2017. 231 с.

Фролов Б.А. Дар знания и мотивация творчества. // Шаманский дар. Этнологические исследования по шаманизму и иным традиционным верованиям. [Под ред. В.И.Харитоновой]. М.: 2000, Т.6. С. 278-291.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974. 239 с.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие Южносибирские мифы в памятниках Окуневского искусства // Первобытное искусство. [Под ред. Р.С. Васильевского]. Новосибирск: Наука, 1971. С. 165-180.

Шаньшина Е.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России (опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток: Дальнаука, 2000. 156 с.

Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии М.: Наука, 1984. 248 с.

Laufer B. Petroglyphs of the Amoor. American Anthropologist. 1899. Vol. 1. № 9. P. 749-750.

Okladnikova E. Fantastic predator of Kalbak-Tash (High Altai Mountains): Gobecky Tepe parallels. 3rd International Geography symposium. 2014. June 10-13. P. 134-141.

References:

Anisimov A.F. *Religija jevenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proishozhdenija pervobytnyh verovanij* [The religion of the Evenks in the historical and genetic study and the problems of the origin primitive beliefs]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 235 p. (In Russian)

Aprosimov D.N. *Zaveshhanie predkov (Stihi, proza). Perevod B. Sirotin* [The testament of the ancestors (Poems, prose). Translated by B. Sirotin]. Yakutsk: Kuduk Publ., 2000. 102 p. (In Russian)

Arutjunov S.A., Sergeev D.A. *Problemy jetnicheskoi istorii Beringomora: Jekvenskij mogil'nik* [Problems of the ethnic history of the Bering Sea: the Ekven burial ground]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 240 p. (In Russian)

Eroshkin D.V. *Nebesnyj ohotnik i solnechnyj olen' (k voprosu ob astral'noj semantike petroglifov gornogo Altaja)* [Sky hunter and sun deer (on the astral semantics of mountain Altai petroglyphs)]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednih vekah. K 100-letiju so dnja rozhdenija M.P. Gryaznova* [The steppes of Eurasia in antiquity and in the Middle Ages. To the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznova]. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2002. T. 2. Pp. 44-46. (In Russian)

Frolov B.A. *Chisla v grafike paleolita* [Numbers in the Paleolithic chart]. Novosibirsk: Science Publ., 1974. 239 p. (In Russian)

Frolov B.A. *Dar znanija i motivacija tvorcestva* [The gift of knowledge and the motivation for creativity]. *Shamanskij dar. Jetnologicheskie issledovanija po shamanizmu i inym tradicionnym verovanijam. Pod redakciej V.I. Haritonovoj* [Shamanic gift. Ethnological research on shamanism and other traditional beliefs. Edited by V. I. Kharitonova]. Moscow: 2000, T. 6. Pp. 278-291. (In Russian)

Golenduhin Ju.N. *Voprosy klassifikacii i duhovnyj mir drevnego zemledel'ca po petroglifam Sajmash-Tasha* [Classification issues and the spiritual world of the ancient farmer based on the petroglyphs of Saimash-Tash]. *Pervobytnoe iskusstvo. Pod redakciej R.S. Vasil'evskogo* [Primitive art. Edited by R.S. Vasilievsky]. Novosibirsk: Science Publ., 1971. Pp. 181-220. (In Russian)

Hlobystina M.D. *Drevnejšie Juzhnosibirskie mify v pamjatnikah Okunevskogo iskusstva* [The oldest South Siberian myths in the monuments of Okunev art]. *Pervobytnoe iskusstvo. Pod redakciej R.S. Vasil'evskogo* [Primitive art. Edited by R.S. Vasilievsky]. Novosibirsk: Science Publ., 1971. Pp. 165-180. (In Russian)

Ivanov S.V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskij istochnik (po materialam XIX – nachala XX v.)* *Narody Severa i Dal'nego Vostoka* [The ornament of Siberian peoples as a historical source (based on materials from the 19th – early 20th centuries) Peoples of the North and the Far East]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1963. 500 p. (In Russian)

Janshina Je.M. *Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii* [Formation and development of ancient Chinese mythology]. Moscow: Science Publ., 1984. 248 p. (In Russian)

Laufer B. *Petroglify Amura. Amerikanskij antropolog* [Petroglyphs of the Amoor. American Anthropologist]. 1899. Vol. 1. № 9. P. 749-750. (In English)

Lindenau Ja.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka): Istoriko-jetnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russian)

Mazin A.I. *Tradicionnye verovanja i obrjady jevenkov-orochonov (konec XIX - nachalo XX veka)* [Traditional beliefs and rituals of the Orochon Evenks (late 19th - early 20th centuries)]. Novosibirsk: Science Publ., 1984. 200 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Liki drevnego Amura* [The faces of the ancient Amur]. Novosibirsk: West Siberian Publ., 1968. 238 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Miniatury izvajaniya Minusinskoj stepi* [Miniature statues of the Minusinsk steppe]. *Pervobytnaja arheologija Sibiri* [Primitive archeology of Siberia]. Leningrad: Academy of Sciences Publ., 1975. Pp. 58-63. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Olen' zolotyje roga. Rasskazy ob ohote za naskal'nymi risunkami* [Deer golden horns. The stories about hunting for rock paintings]. Leningrad; Moscow: Art Publ., 1964. 240 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad: Science Publ., 1971. 336 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ja* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976. 188 p. (In Russian)

Okladnikova E. *Fantastic predator of Kalbak-Tash (High Altai Mountains): Gobecky Tepe parallels. 3rd International Geography symposium* [Fantasticheskiy hishnik Kalbak-Tasha (Altaj): paralleli Gjobekli-Tepe. 3-j Mezhdunarodnyj simpozium po geografii]. 2014. June 10-13. P. 134-141. (In English)

Okladnikova E.A. *Los' i model' Vselennoj neoliticheskogo naselenija Altaja* [Elk and the model of the universe of the Neolithic population of Altai]. *Istorija i kul'tura Vostoka Azii* [History and culture of East Asia]. Krasnoyarsk: City Publ., 2009. Pp. 154-159. (In Russian)

Okladnikova E.A. *Tropozu Kogul'deja* [On the path of Koguldei]. Leningrad: Leningrad Publ., 1990. 189 p. (In Russian)

Potani G.N. *Erke. Kul't neba v Severnoj Azii. Materialy k tjurko-mongol'skoj mifologii* [Erke. The cult of the sky in Northern Asia. Materials for the Turkic-Mongolian mythology]. Tomsk, 1916. 100 p. (In Russian)

Sem T.Ju. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i jetnokul'turnye svyazi). Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [World picture of the Tungus: the pantheon (semantics of images and ethnic and cultural ties). Historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Faculty of Philology SPBGU Publ., 2015. 640 p. (In Russian)

Shan'shina E.V. *Mifologija pervotvorenija u tungusojazychnyh narodov juga Dal'nego Vostoka Rossii (opyt mifologicheskoy rekonstrukcii i obshhego analiza)* [The mythology of the first creation among the Tungus-speaking peoples of the south of the Russian Far East (the experience of mythological reconstruction and general analysis)]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2000. 156 p. (In Russian)

Simonova I.L. "Kogda na nebe svetili tri solnca" (opyt rekonstrukcii mifologicheskogo sjuzheta) ["When three suns were shining in the sky" (an experience of reconstruction of a mythological plot)]. *Mirovozzrenie naselenija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoj retrospektive. Pod redakciej P.K. Dashkovskogo* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospective. Edited by P.K. Dashkovsky]. Barnaul: ABC Publ., 2010. Release IV. Pp. 102-110. (In Russian)

Smoljak A.V. *Shaman: lichnost', funkci, mirovozzrenie (narody Nizhnego Amura)* [Shaman: personality, functions, worldview (peoples of the Lower Amur)]. Moscow: Science Publ., 1991. 279 p. (In Russian)

Starcev A.F. *Jetnicheskie predstavlenija tungusoman'chzhurov o prirode i obshhestve* [Ethnic views of the Tungus-Manchus about nature and society]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2017. 231 p. (In Russian)

Vadeckaja Je.B. *Drevnie idoly Eniseja* [Ancient idols of the Yenisei]. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 79 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Drevnie ohotnich'ii olenevodcheskie obrjady jevenkov* [Ancient hunting and reindeer breeding rituals of the Evenks]. *Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. Volume XVIII. Pp. 151-185. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Istoricheskij fol'klor jevenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenks. Legends and traditions]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. 399 p. (In Russian)

T.Yu. Sem, E.A. Okladnikova

The Myth of the "Three Suns": Semantics and Visual Representation in the Monumental Art of Ancient Eurasia

The article is devoted to the study of myth as a verbal version (narrative) of the interpretation of the monuments of ancient rock and monumental art of the peoples of Eurasia. The aim of the work is a comparative analysis of the myths about the "Three Suns" and associated petroglyphs. The authors believe that this myth served as one of the intellectual tools for describing and interpreting the picture of the world by the ancient peoples of Eurasia. Using the method of semantic and iconographic analysis, the authors identified semantic dominants by comparing the texts of the myth about the "Three Suns" of the peoples of North Asia, the Far East, South Siberia and Central Asia. As a result, it became

possible to consider this myth as an anthology of the knowledge of its creators about the natural and social realities surrounding them. The myth of the “Three Suns” is one of the archaic forms of natural-philosophical knowledge about physical (material) and metaphysical (fictional) realities, both terrestrial and cosmic, this myth contains ideas about the structure and system of the model of the world. The myth of the “Three Suns” tells about the cyclical nature of time, as well as the associated change of seasons. Moreover, it is this myth that has preserved the memory not only of cosmic and natural disasters, but also of the responses of Mankind to the “challenges of the Cosmos”, of the ways of countering ancient man to catastrophes of a universal scale. In this confrontation with the challenges of nature and the Cosmos, according to the myth of the “Three Suns”, Man wins, he was guided in this confrontation by moral principles that arose as a result of social development and the formation of a moral law. It was the Law that exalted the man-creator and censured the man-destroyer. The myth of the “Three Suns” as a model of the world and an anthology of the life of the peoples of ancient Eurasia includes historical information about the transition from one historical formation to another (from an appropriating economy and a producing one), as well as the establishment of a patriarchal system of kinship.

Keywords: myth as a narrative, petroglyphs, semantic tools, world view, ancient peoples of Eurasia